

В Л. Б Ъ Л К И Н Ъ

Въ наше время — эпоху разъядающаго анализа и аннулированія прежнихъ системъ, большихъ исканій и мучительно-надрывнаго строительства новыхъ художественныхъ формъ — лишь немногимъ „молодымъ“ удалось предохранить себя отъ вліянія косности и удержать духовное равновѣсіе. Къ числу этихъ немногихъ отнесемъ и В. Бѣлкина. Если онъ и вкусилъ отъ современнаго „древа познанія“, то постольку — поскольку это было ему нужно, въ планомѣрной пропорціи. Сфера его творчества — утонченный, крылатый міръ Фантазіи. Изъ работъ — наиболѣе интересны графики-иллюстраціи къ „Голему“ Мейринка. Въ этихъ графикахъ, гдѣ трансцендентное переплетается съ реальнымъ и древняя легенда еврейскаго „гетто“ такъ странно вползаетъ въ большую современность, остро и четко выявляетъ художникъ ту напряженность и настороженность, которыми насыщено все содержаніе романа. Мастерски исполненныя — контрастами сосѣднихъ отношеній blanc et noir'a (т. н. „сухой“ кистью) — графики эти производятъ впечатлѣніе гравюръ по дереву. Отъ душной мистики „големовскихъ“

сновъ переходитъ художникъ къ прямому очарованію „галантнаго“ времени.

Онъ любитъ этотъ изящный, саркастическій гротескъ „рокко“, утрированную гримасу — маску „азиатчины“, забавную напыщенность Козьмы Пруткова, — и во всѣхъ своихъ рисункахъ, виньеткахъ, шаржахъ воскрешаетъ традиціи славной семьи петербургскихъ графиковъ (Добужинскій, Лансере, Сомовъ, Бенуа и др.). Въ иллюстраціяхъ къ гоголевскому „Носу“ удачно стилизуетъ Бѣлкинъ выложенную чопорность, „гравюрность“ стараго Петербурга. Въ противоположность нѣкоторымъ нашимъ графикамъ, не теряетъ онъ изъ виду принципъ соотвѣтствія иллюстраціи съ двухмѣрностью страницы и обрѣзомъ листа, не забываетъ о заданіяхъ графическаго искусства, какъ синтетическаго начала и книжнаго украшенія. Не глубинныя, но очень культурныя, эстетическія достиженія Бѣлкина, конечно, больше радуютъ глазъ, нежели мертвая схематизація и утилитарно-прикладныя ухищренія „модернистовъ“ послѣдняго времени.

С. СЕГАЛЬ